

Быть или не быть гей-прайду: опыт двух столиц России

Вероника Шарова

Характер взаимодействия органов власти с общественными организациями и движениями может служить четким индикатором, «лакмусовой бумажкой» состояния общества в целом, наличия/отсутствия в нем демократических традиций, согласия или разногласий между членами социума. Речь может идти об организациях самого разного толка: от профсоюзов до конфессиональных меньшинств, от борцов за расширение роли национальных языков и культуры до защитников архитектурной старины. ЛГБТ-движение (или, как привычно именуют его представители обыватели, «сексуальные меньшинства») давно и прочно встроено в этот ряд во многих странах мира.

Режим подавления секса – один из доминирующих диспозитивов власти в рамках европейской модели, начиная с XVII века, отмечает Мишель Фуко в своей знаменитой работе *Воля к знанию*. В эпоху «буржуазного порядка» сексуальность как таковая, а также знание и говорение о ней (то есть, и дискурс сексуальности) оказываются связанными с честью «некоего политического дела».¹ Россия, унаследовавшая от Советского Союза не только определенные черты политической культуры, но и характерные стереотипы общественного сознания, в эпоху становления своего собственного буржуазного (то есть постсоветского) порядка подобную картину весьма достоверно воспроизводит. Так в чем же в данном случае состоит «политическое дело», по выражению Фуко?

В основе российских отношений власти с ЛГБТ-сообществом лежит гетеронормативность – обязательность гетеросексуального образа жизни для всех граждан – и гомонегативизм. Последний термин был введен Хадсоном и Рикетсом (Hudson and Ricketts) в 1980 году для описания отрицательного, негативного и рационализованного отношения к любым проявлениям гомосексуальности и призван был заменить приобретший со временем форму устойчивого негативного клише термина «гомофобия» (которой в дословном переводе означает «боязнь одинакового»). Любые политические акции прямого действия, направленные на обретение и реализацию представителями ЛГБТ тех или иных прав, осмысливаются (в том числе и самими ЛГБТ-организациями) в рамках гетеронормативного дискурса, соотносящегося с гомонегативизмом.

Отсюда вытекает очень неоднозначное отношение к такой форме гендерного акционизма, направленного на изменение доминирующего дискурса, как *gay pride*. Русскоязычный аналог этого понятия – гей-парад – является сомнительным продуктом гомонегативисткой установки мышления, поскольку *pride* апеллирует к чувству гордости, собственного достоинства, самооценности. Тогда как парад – это гуляние, выставление напоказ, самопредъявление. Но с какой целью?

Gay pride представляет собой отнюдь не развлекательную акцию. В сущности, это правозащитное мероприятие общегражданского толка, которое может быть карнавализовано в силу определенных субкультурных особенностей социальной группы, которая проводит эту акцию. Изначально тот смысл «гордости», заложенный в названии таких акций, отражает концепцию ЛГБТ-активизма: людям, имеющим гомосексуальную ориентацию или альтернативную гендерную идентичность, следует принимать себя такими, какие они есть, коль скоро их ориентация/идентичность – не результат сознательного выбора, не социальное действие, а их врожденное свойство. Принятие собственной идентичности и репрезентация ее в социуме – вот, вкратце, та смысловая нагрузка, которую несет это понятие. Фактически, термин *pride*, гордость, был взят ЛГБТ-активистами на вооружение в противовес *shame*, стыду – который навязывался меньшинству большинством на протяжении значительной, большей части истории.

Однако понятийный перевертыш «гей-парад» в российском дискурсе позволяет свести к демонстрации любое публичное мероприятие, проводимое ЛГБТ, даже если организаторы сами не называют свои акции «парадом». Примером тому являются Московский гей-прайд, Славянский гей-прайд, Санкт-Петербургский ЛГБТ-прайд. Наиболее часто звучащий упрек в сторону инициаторов гей-парадов зафиксирован в пожелании: «*сидели бы дома и занимались бы там всем, чем хотите и как хотите*». То, с каким постоянством этот аргумент используется противниками обретения ЛГБТ признака публичности, заставляет задуматься о границах приватного и публичного в российской общественно-политической практике.

Если обратиться к зарубежной практике проведения гей-прайдов, то первые из них относятся к концу 1960-х годов. Переломной точкой, когда гомосексуалы начали прибегать к акциям прямого действия в борьбе за равенство прав, принято считать так называемый «Стоунуоллский бунт» 27 июня 1969 года: волнения, перешедшие в столкновения с полицией в нью-йоркском районе Гринвич-Виллидж, на Кристофер-стрит, после того, как полицейские устроили облаву в гей-баре *Стоунуолл Инн*. При попытке полицейских арестовать хозяина заведения и нескольких посетителей, толпа принялась бросать в полицейских камни и бутылки; затем, подобно цепной реакции, возмущение распространилось по всем окрестным улицам. Столкновения геев с полицейскими (в соотношении примерно две тысячи к четыремстам) продолжалось всю ночь, наутро стены

домов в районе были исписаны граффити, общий смысл которых сводился к следующему: «Поддержим борьбу геев!».²

Стоунуолльский бунт, в самом деле, стал символическим началом качественно нового этапа упомянутой борьбы, органично влившейся в поток других правозащитных движений 1960-х – 1970-х годов в США: протестовали темнокожие (в том числе, знаменитое движение *Black is Beautiful*), студенты, безработные, малоимущие, женщины. В общественном сознании Стоунуолл стал рубежом, на котором находившиеся в то время вне закона геи и лесбиянки стали реальной политической силой, отмечает американская исследовательница Аннамари Джагоз, характеризуя эти события как культурный поворот в истории гомосексуальности – от политики ассимиляционизма к началу организованного движения геев за свои права.³

Спустя всего месяц после событий в *Стоунуолл Инн* был основан *Фронт освободительной борьбы геев*. В течение 1969 года в Америке возникли десятки групп борьбы за свободу и равные права для геев.

Таким образом, в итоге произошло то, что выдающийся американский социолог Нейл Смелзер описывает как переход от коллективного поведения (которое можно считать одним из экстремальных типов поведения) в более институционализированную форму, которая хоть и отстоит от поведения стандартного, повседневного, но все же носит более упорядоченный характер. Примером такой промежуточной формы, по Смелзеру, как раз являются собрания, демонстрации.⁴

В случае со Стоунуоллом ситуация так и сложилась: вскоре после бунта ряд активистов организации в поддержку геев *Общество Маттачин* провели пикет перед Индепенденс-холл в Филадельфии. Однако пикет прошел очень скромно, что вызвало недовольство у гей-активиста Крейга Родуэлла. Несогласный с умеренной, гомофильной политикой *Общества Маттачин*, Родуэлл возвращается в Нью-Йорк, где организует *День освобождения Кристофер-стрит*. В продолжение этой инициативы 28 июня 1970 года в Нью-Йорке проходит первый марш – гей-прайд, – который охватывает 51 городской квартал.⁵ С этого момента можно начинать отсчет истории гей-прайдов, которые сегодня проводятся во многих странах, хотя и в совершенно разных условиях.

В зависимости от страновой специфики, меняются приоритеты в сфере тех прав, которые стремятся отстаивать представители ЛГБТ-сообщества, принимающие участие в акциях прямого действия. Если в США сегодня на повестке дня преимущественно находятся гей-браки и противодействие практике «*Don't Ask Don't Tell*» в американской армии, то в России гей-активисты вынуждены, прежде всего, бороться за само признание ЛГБТ в качестве социальной группы. Конечно, есть и более узкие, но не менее важные цели. В частности, проект *Gayrussia.ru* предлагает следующие приоритеты, вокруг которых российское ЛГБТ-сообщество должно объединить свои усилия: антидискриминация, свобода

шествий, свобода объединений, право на семейный союз, право на усыновление и удочерение, право на наследование, право на искусственное оплодотворение, изменение положения гомосексуалов в отношении медицины...⁶ И это далеко не полный перечень. «Никаких «особых» прав для себя геи, лесбиянки и транс-сексуалы не хотят. Но мы не можем мириться с положением, когда нам отказывают в реализации гарантированных Конституцией общегражданских прав и свобод только за то, что мы не скрываем свою сексуальную ориентацию», в свою очередь, отмечается в Декларации прав сексуальных меньшинств России, опубликованной *Российской ЛГБТ-сетью*.⁷

Как видим, спектр выдвигаемых требований лежит сразу в нескольких плоскостях: социальной, юридической, политической. Требования равных прав для геев, безусловно, – вопрос, затрагивающий отношения общества и власти. А они в России традиционно непростые.

«Общественная мораль не принимает таких парадов, общественная мораль не принимает этих гомиков». «Гомиков надо рвать. И по ветру бросать их куски!» «Представители секс-меньшинств могут заниматься, чем хотят, только дома или где-нибудь в укромном месте в темноте... Если они все-таки выйдут на улицу, тогда их следует только лупить. Все нормальные люди будут это делать... у геев нет никаких прав. Иметь нетрадиционную ориентацию – это преступление против Бога. Пророк Мухаммед приказывал убивать гомосексуалистов».

Что это – цитаты с праворадикальных форумов, интернет-сайтов маргинальных ксенофобных организаций? Нет, это высказывания мэра Москвы Юрия Лужкова, губернатора Тамбовской области Олега Бетина и верховного муфтия Центрального духовного управления мусульман России Талгата Таджуддина. То есть лиц, наделенных властными полномочиями. К сожалению, подобная интонация – лишь отчасти «точка экстремума» на шкале отношения российской власти к публичным акциям ЛГБТ, но по большей части – лейтмотив этого отношения. Впрочем, говорить о том, что в сфере российской политики есть некий дискурс, касающийся ЛГБТ, было бы слишком большим преувеличением. Официальной политики по отношению к ЛГБТ в России просто не существует. В сущности, говорить можно о частных мнениях лиц, обладающих теми или иными властными полномочиями; в единую картину они не складываются. Так, например, глава комитета Госдумы РФ по международным делам Константин Косачев (член партии *Единая Россия*) заявил о недопустимости «пропаганды взглядов» сексуальных меньшинств. «Под сурдинку защиты прав человека шаг за шагом в это досье вбрасываются вещи, которые предполагают не просто защиту определенной категории граждан, но и пропаганду их взглядов через преподавание в школах, организацию культурных мероприятий, поддержку их общественных движений», выразил точку зрения Косачев в интервью *Российской газете*.⁸ А между тем, еще в 2007 году на пресс-конференции тогдашний президент России, ныне премьер-министр Владимир Путин на вопрос журна-

листки о его отношении к гей-парадам, заявил следующее: «Мое отношение к гей-парадам и сексуальным меньшинствам – простое, оно связано с исполнением моих служебных обязанностей и заключается в том, что одна из главных проблем страны – это демографическая... Но я уважаю и буду в будущем уважать свободу человека во всех ее проявлениях».

В чем-то глава государства шутил; в чем-то, возможно, лукавил. Однако магические слова о «свободе человека», декларативно или нет, но прозвучали; как показывают фактические события, на региональном уровне, в том числе в обеих столицах, они отнюдь не были взяты на заметку. Вопрос о гей-прайде на протяжении ряда лет остается маркером глубочайшего взаимонепонимания между властью и обществом в лице ЛГБТ как социальной группы.

Гендерный аспект сложившейся ситуации тесно увязан с ее политическими моментами. С начала 2000-х годов Россия вступила в затяжную фазу пребывания у власти консервативных кругов. Декларированный «партией власти» *Единой Россией* социальный консерватизм имеет далеко не самую внятную повестку дня по ряду ключевых экономических, внешнеполитических и других вопросов, но в сфере общественной морали и нравственности меседж власти обществу достаточно ясен и подробен. Культ традиционной, патриархатной семьи, попытки внедрения «исконных» праздников, наподобие Дня Петра и Февронии вместо «иноземного» Валентинова Дня, лозунг «Стране нужны ваши рекорды», призванный стимулировать рождаемость – это «мейнстрим» российской социальной политики в сфере семьи в 2000-е годы.

Демографический спад, будучи, с одной стороны, объективной реальностью, обусловленной экономической дырой 1990-х годов и сохраняющимся высоким уровнем малообеспеченного, да просто бедного населения, с другой, – стал в некотором роде жупелом, активно эксплуатируемым в политической риторике. В том числе, весьма активно – в антигомосексуальной. «Покушение» ЛГБТ на рождаемость, о которой в качестве аргумента не раз упоминали гомонегативистски настроенные политики, впрочем, не выдерживает критики, если принять во внимание тот факт, что численность гомосексуалов в любом обществе и в любое время не превышала и не превышает нескольких процентов населения (от 4 до 7%, по разным оценкам). В любом случае, эта доля населения не выше той, что отказывается от деторождения по экономическим или иным соображениям; не говоря уж о том, что позиция «чайлд-фри» и гомосексуальность никак не связаны необходимым образом. Если, конечно, сбросить со счетов то обстоятельство, что в вопросах деторождения и усыновления гомосексуалы сталкиваются с гораздо большим числом препон, нежели гетеросексуальные сограждане. И преодоление этого дискриминационного фактора, кстади, также заявлено в числе требований, выдвигаемых организаторами гей-прайдов.

Помимо этого, современная российская власть в очень высокой степени маскулинизирована. В частности, даже при взгляде невооруженным глазом,

очевидна крайне незначительная доля женщин в высших органах государственной власти (иное положение лишь на уровне муниципалитетов – на местах, где подавляющая часть проблем лежит в сфере хозяйства, женщины действительно играют весьма заметную роль).

Фактически, типичный представитель властных структур сегодня во многом напоминает известный американский собирательный образ WASP: *white anglo-saxon protestant*, белый мужчина англосаксонского происхождения, протестант по вероисповеданию. В данном случае, соответственно, происхождение меняется на славянское, вероисповедание – желательное, православное (в постсоветскую эпоху принадлежность или, во всяком случае, лояльность Русской православной церкви стала, в некотором роде, «трендом», бон-тон отечественной политики). Показательно, что сегодня в России (как, впрочем, и в большинстве стран мира) женщины занимают 8-10% руководящих должностей высшего уровня. Исключением здесь являются, как известно, скандинавские государства, с соответствующим показателем 25-40%. В Госдуме женщины-парламентарии составляют лишь 14%, в правительстве их представительство также является, скорее, «декоративным». В международных рейтингах по равноправию полов в политике Россия занимает 99-е место из 115.⁹ Положение, подобное сложившемуся в России, исследователи гендерных проблем, кстати, именуют «стеклянным потолком»: свет виден, цвести, как в оранжерее, можно, но пробиться – практически нереальная задача.

Если уж ситуация столь нерадостна для приверженцев феминизма, то что говорить об ЛГБТ. В отличие от многих современных западных стран, где открытые геи занимают посты министров, мэров крупных городов, вплоть до столиц, а «камин-аут» – публичное заявление о своей гомосексуальности – постепенно переходит из разряда скандальных инцидентов в сферу обычной практики, в России ни одного подобного случая нет. И, видимо, едва ли стоит ожидать этого на протяжении обозримого будущего.

С учетом этих обстоятельств, гей-прайд несет в себе потенциал если не революционный, то близкий к тому, так как может и должен стать акцией, «взрывающей» привычную гендерную структуру российской политики и общественной жизни. Неудивительна болезненная реакция власти на все попытки ЛГБТ-сообщества вслух заявить о себе, маркировать свое присутствие в публичной сфере в качестве социальной группы – со своими интересами, запросами, целями и чаяниями, в том числе политическими, коль скоро защита прав человека лежит в сфере как раз политического.

Попытки проведения гей-прайдов в России ведутся уже на протяжении многих лет, начиная с 2001 года. Организатором этих акций выступает правозащитный проект *GayRussia.ru*, возглавляемый Николаем Алексеевым (г. Москва). Местом проведения гей-прайдов становятся обе российские столицы: Москва и Санкт-Петербург. В свою очередь, власти обеих столиц консолидированы общим

представлением о гей-прайде как о *parade*, т.е. демонстративном шествии людей с ненормативной сексуальной ориентацией. По сути, они интерпретируют эту гендерную акцию как пропаганду сексуальной распущенности, навязывание обществу неприемлемых норм поведения, не отвечающих традиционным моральным ценностям большинства россиян и канонам основных религиозных конфессий, действующих в этих городах. Характерно, в частности, как формулируются причины отказа в Меморандуме российских властей в лице Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека Георгия Матюшкина, направленном в феврале 2010 года в Страсбургский Суд с просьбой оставить иск организаторов Московского гей-прайда без удовлетворения и признать их жалобы необоснованными.

«Власти Российской Федерации не нашли причин для разрешения данного вопроса дружественным путем на данной стадии процедур», отмечается в Меморандуме. Документ, в целом, является весьма символическим: позиция, в частности, правительства Москвы выражена в нем в прямо-таки концентрированной форме. В Меморандуме, в том числе, дано пояснение, что московские власти были не способны гарантировать безопасность участников заявленных публичных мероприятий в связи с тем, что они вызывали противостояние большинства населения, и «проведение подобного рода мероприятия незамедлительно вызывало бы бескомпромиссное противостояние большого числа радикально настроенных противников пропаганды соответствующих идей». «Было учтено решительно-негативное отношение общественных организаций и представляемых ими широких слоев населения идее проведения данного мероприятия. Это подтверждалось, например, тем фактом, что попытка проведения подобной акции несанкционированно и без предварительного уведомления 27 мая 2006 г. привела к беспорядкам с участием сотен человек», аргументирует правительство Москвы. Власти выразили опасения, что «вышеприведенные обстоятельства создавали возможность предположить, что мероприятия, о которых идет речь, в случае если бы о времени и месте их проведения было бы известно заранее, однозначно привели бы к негативным и масштабным последствиям, массовым беспорядкам, поэтому права заявителя на проведение названного мероприятия были ограничены властями Российской Федерации с соблюдением действующих норм международного и национального права. Кроме того, подобного рода мероприятие создавало угрозу жизни и здоровья его участников, поскольку вызывало негативную реакцию широкого круга общественности, и даже должное участие органов внутренних дел в обеспечении общественного порядка не могло полностью обеспечить безопасность участников мероприятия».

Характерно, что власти неоднократно апеллируют к религиозному аспекту запрета гей-прайда; в итоге складывается впечатление нехватки аргументов юридических. «Власти Российской Федерации в свете данной проблематики хотели бы особо остановиться на проблеме обеспечения общественной нравственности,

делая особый упор на религиозном аспекте, поскольку Российская Федерация является государством хоть и светским, тем не менее, религиозные догмы для большинства населения страны являются основами жизнеустройства и жизнедеятельности», отмечается в документе. По мнению российских властей, «в демократическом обществе граждане, негативно оценивающие гомосексуализм, исходя из своих религиозных убеждений, имеют полное право на уважение и защиту их религиозных и нравственных убеждений, право на воспитание своих детей в соответствии со своими собственными религиозными и нравственными убеждениями... Следовательно, государство обязано учитывать требования крупнейших религиозных организаций. Демократическое государство должно защищать общество от разрушительных воздействий на его моральные основы, защищать человеческое достоинство всех граждан, в том числе верующих... Таким образом, заявления организаторов гей-парада о том, что его проведение не нарушает и не посягает на права, законные интересы и человеческое достоинство верующих граждан, следует признать необоснованными, ложными». «Возможно, в тех странах, где проведение гей-парадов стало уже привычным, их проведение не вызывает больших протестов в обществе. А в России, как уже было сказано выше, – оскорбляет не только религиозные чувства верующих, но и нравственные чувства значительной части общества», вновь обращаются авторы документа к вышеупомянутым аргументам. В документе подчеркивается, что «власти Российской Федерации придерживаются позиции, что существует необходимость осознания явления секс-меньшинств в обществе, необходимость обеспечения отсутствия дискриминации в отношении них путем политики избегания конфликтных ситуаций, при сохранении традиционного отношения к понятиям семьи и брака, и разделением общественного мнения с учетом российского менталитета и религиозной традиции», но, считают российские власти, «сексуальные меньшинства в нашей стране не подвергаются никакой из форм дискриминации». В подтверждение этого приведен «неполный список клубов и мест, в частности, в г. Москве, которые являются местами собраний и времяпровождения лиц нетрадиционной сексуальной ориентации».¹⁰

Итак, можно сделать вывод, что, согласно мнению российских властей, наличие нескольких (крайне малочисленных, если ориентироваться на общее количество населения в каждой из двух столиц) «специализированных» клубов должно автоматически снять вопрос о дискриминации ЛГБТ, несомненной дефективности их правового статуса. «Геттоизация» гомосексуалов – уже ключ к решению проблемы: такая трактовка напрашивается по прочтении приведенного нами документа.

Показательно, что в Меморандуме авторы документа, интенсивно взывая к «некалькулируемым» величинам – религиозности и традиционализму общества – постарались обойти такой щекотливый вопрос, как свобода собраний, гарантированная Конституцией Российской Федерации. Статья 31 главного закона

страны гласит, напомним, следующее: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Отметим, что этот момент, фактически, ставит ЛГБТ-активистов – хочется им того или нет – на одну доску с политической оппозицией, которая апеллирует к той же норме действующего законодательства, и в попытках проведения своих мероприятий также сталкивается с жестким противодействия властей. Примером тому стали уже печально известные «31 числа»: митинги, проводимые 31 числа каждого месяца, традиционно разгоняются милицией и ОМОНОм, а их организаторы задерживаются.

Напомним, в мае 2006 года *GayRussia.ru* и Николай Алексеев заявили о намерении провести гей-прайд на Мясницкой улице; предложенный организаторами маршрут, равно как и мероприятие в целом, был отвергнут городской администрацией. Тогда организаторы заявили уже о намерениях возложить цветы к Могиле неизвестного солдата («Как ответ на фашиствующую политику чиновников»), а позже провести митинг напротив мэрии Москвы на Тверской улице. То, что получилось в итоге, однако, дало основания наблюдателям и журналистам говорить об «очередном параде скинхедов» вместо гей-прайда. Градус агрессии со стороны как праворадикалов, так и сотрудников правоохранительных органов, действительно, оказался высоким. Митинг у мэрии превратился в потасовку; среди пострадавших оказались и зарубежные активисты, в частности депутат Бундестага Фолькер Берк, представитель французской партии зелёных Пьер Серн и австрийский активист Курт Криклер.

Произошедшее дало основание руководителю британской общественной организации *Outrage* Питеру Тэтчелу заявить, что «попытки предотвратить первый в России гей-парад символизируют... глубокие проблемы постсоветского государства». Поведение столичного мэра даже напомнило Тэтчелу «старые времена репрессий КГБ».¹¹

В 2007 году попытка проведения «Марша толерантности» в столице также фактически провалилась. Проведение гей-прайда намечалось на 27 мая и было приурочено к 14-й годовщине отмены уголовного преследования за гомосексуальные отношения в России, но 15 мая 2007 года власти Москвы отказали в проведении мероприятия. Ранее, комментируя планы организаторов прайда, мэр Москвы вновь заявил, что «пропаганда однополый любви является неприемлемой».¹² В свою очередь, руководство столичного ГУВД подтвердило готовность разогнать акцию – что и было осуществлено. Несмотря на протесты ряда общественных и правозащитных организаций, московские власти повели себя так же, как и год назад; гей-прайд кончился избиениями и задержаниями активистов. В частности, по утверждению вышеупомянутого Питера Тэтчела (также, кстати, пострадавшего от рук милиции), на пресс-конференции в помещении Московской Хельсинской группы международный наблюдатель от нью-йоркской организации *Human Rights Watch* заявил, что видел, как «милиция

и правые экстремисты совместно идентифицировали участников гей-прайда, которых потом избивали или арестовывали».¹³

Оценки произошедшего были далеки от спокойных – как с одной, так и с другой стороны. Мнения поляризовались. В то время как западные СМИ и политики, а также ряд отечественных правозащитных и оппозиционных организаций сходились на том, что разгон гей-прайда явился неприемлемым проявлением гомонегативизма, подавляющее большинство российских политиков – особенно представители партии власти *Единая Россия* и КПРФ – попытки проведения гей-прайда оценили жестко отрицательно, причем некоторые депутаты Госдумы (как, например, депутат от партии *Родина* Александр Крутов) даже предлагали приравнять такие акции к экстремистским.¹⁴

В 2008 году задержаний удалось избежать благодаря «обманному маневру» участников прайда; а вот в 2009 году, когда так называемый «Славянский гей-прайд» в Москве проводился в день финала конкурса *Евровидение*, история с разгоном повторилась. В 2010 году организаторы вернулись к тактике введения противника в заблуждение, изменив маршрут в самый последний момент. Милиция не смогла помешать прайду, но, надо признать, и резонанса он вызвал немного, а позиция столичных властей остается неизменной. Неслучайно московское правительство слывет самой, наверное, консервативно и гомонегативистски настроенной столичной администрацией в Европе. «Гей-парадов в Москве не было и не будет!» – эта реплика пресс-секретаря мэрии Сергея Цоя ясно очерчивают границы толерантности столичных властей.

Ситуация в Санкт-Петербурге, возможно несколько реже освещается в центральных СМИ, однако тоже заслуживает внимания. Сформированный в апреле 2007 года оргкомитет подчеркивал неполитический, мирный характер правозащитной акции и выражал надежду на понимание со стороны губернатора города Валентины Матвиенко. «Стратегически мыслящие люди понимают, что противиться переменам не стоит, когда они не несут угрозы, – прокомментировала тогда пресс-секретарь оргкомитета по проведению гей-парада Александра Полянская, – власть сейчас чувствует себя достаточно уверенно и не станет чинить препятствий гей-параду, разжигая никому не нужный конфликт в ущерб себе и гражданскому обществу». В свою очередь, сопредседатель оргкомитета по проведению гей-парада Анатолий Гордеев отметил, что от Валентины Матвиенко организаторы акции ждут большего понимания в отношении реализации своих конституционных прав и свобод, нежели от столичного градоначальника. «Мы надеемся, – заявил Гордеев, – памятуя негативный опыт проведения прайда в Москве, что г-жа Матвиенко как губернатор и как женщина не станет проявлять косность и гомофобию, как это сделал Лужков».¹⁵ Однако в проведении акции власти Санкт-Петербурга все же отказали.

Кстати, координатор Российской сети ЛГБТ-организаций Игорь Петров, комментируя данную инициативу, заявил журналистам радиостанции *Эхо Мо-*

сквы: «Ни участники нашей организации, ни другие известные гей-активисты Петербурга, по моим данным, ничего об этой акции не знают». Игорь Петров также отметил, что этот демарш может быть провокацией: «Члены этого «органкомитета», судя по моему разговору с ними, не имеют представления ни о гей-сообществе города, ни о конкретных задачах нашего движения. На прямой вопрос о лозунгах и целях «парада» мне ответили, что цель – «заявить о себе громко-громко», а лозунги они, наверное, еще какие-нибудь придумают».¹⁶

Нельзя не отметить логическое противоречие в том, как организаторы несостоявшегося прайда охарактеризовали свою акцию. Неполитический характер акции, заведомо направленной на решение политической проблемы – поражения в гражданских правах? Сам феномен правозащиты с необходимостью несет в себе политический заряд, вынужденность взаимодействия с властью по вопросам взаимоотношения последней с обществом; а потому, думается, инициаторы публичных акций ЛГБТ не смогут долго разыгрывать карту «деполитизации» подобных мероприятий...

Власть же, как показывает практика, лишена каких бы то ни было гендерных отличий, на которые уповал оргкомитет петербургского прайда. Конечно, губернатор Санкт-Петербурга – в своем роде выдающееся явление в российской политической сфере, призванное до некоторой степени «разбавить» – в каком-то роде, и перед лицом Европы – картину российской власти, маскулинной *par excellence*. И все же «вертикализованная» до предела модель не допускает исключений: Валентине Матвиенко пришлось сыграть по правилам федерального центра, солидаризировавшись с декларирующими бескомпромиссную гетеронормативность коллегами по властному цеху.

В 2010 году организаторы намерены провести гей-прайд в июне; отказ от городской администрации инициаторами акции уже получен.

Справедливости ради следует заметить, что не все российские ЛГБТ-организации солидарны с Николаем Алексеевым и *Gayrussia.ru* во взглядах на необходимость гей-прайда и, во всяком случае, на формы его проведения. Единства в этом вопросе нет.

Вопрос о гей-парадах в последнее время превратился в своеобразный фетиш, отмечает, в частности, руководитель организации *Российская ЛГБТ-сеть* Игорь Кочетков (Петров). «Если прочитать и послушать высказывания некоторых гей-активистов, то можно подумать, что ничего, кроме гей-парадов и не надо вовсе, и он нужен сам по себе, из принципа. А некоторые комментаторы... похоже, думают, что для нас гей-парад – это какая-то абсолютная ценность. Это не так», возражает общественник. Собственно, откуда возникла сама проблема? Проблема, по словам Кочеткова (Петрова), возникла из желания и потребности быть *видимыми*. «Мы – геи, лесбиянки – не можем уже прятаться, делать вид, что нас просто не существует... Потому что это просто опасно. Это опасно для нас, потому что человек, который скрывает свою ориентацию и пытается по-

позиционировать себя как гетеросексуал, например, подвергается дополнительной опасности. Его можно шантажировать, им можно манипулировать и так далее», пояснил он, отвечая на вопросы в рамках интернет-конференции.

Есть и иная причина, побуждающая ЛГБТ-сообщество к открытости: то невероятное количество мифов, которое существует вокруг гомосексуалов. «Люди боятся того, что они не знают. И поэтому мы, я имею в виду ЛГБТ-сообщество, должны быть видимыми... В этом отношении у *Российской ЛГБТ-сети* с *Gay-russia.ru* никаких разногласий нет. Но дальше возникает вопрос о том, каким образом мы должны позиционировать себя в обществе. Наверное, ясно, что цель этой видимости – быть понятыми. И когда мы проводим некие публичные акции, в том числе уличные, мы, *Российская ЛГБТ-сеть*, стараемся делать так, чтобы люди поняли, зачем мы вышли на улицы. Что касается гей-парада, то в этом случае, к сожалению, когда сама по себе идея была объявлена еще в 2005 году, как мне представляется, организаторы не разъяснили до конца цели мероприятия», – констатировал Кочетков.¹⁷

Характерно, что глава *Российской ЛГБТ-сети* не называет акции организации ни «прайдами», ни, тем более, «парадами». По форме организации и проведения акции, инициированные *Сетью*, в самом деле, заметно отличаются от инициатив Алексеева: например, прошедший в 2009 году в Санкт-Петербурге так называемый «радужный флэшмоб» прошел без проблем с властями и милицией – отчасти из-за отсутствия предварительного «пиара», отчасти – из-за крайне «тихого» характера самого мероприятия (около 250 человек выпустили в небо разноцветные шарики с записками). В мае 2010 года такая же акция под названием *Dream Flash* состоялась в Москве: участники просто слились с гуляющей по Арбату толпой и спокойно прошли, пуская мыльные пузыри и демонстрируя радужную символику. (В Петербурге, правда, та же акция не обошлась без столкновений с милицией из-за провокационной дезинформации в интернете).

«Я думаю, что если кто-то хочет проводить прайды именно в такой форме, в форме шествия в защиту прав человека, против дискриминации по признаку сексуальной ориентации, гендерной идентичности, то они, безусловно, имеют на это право. А государство обязано защищать подобного рода шествия и акции, как и любые другие, скажем, мирные уличные акции – это записано в конституции, – прокомментировал общественник. – Но мне кажется, что проблема заключается в нежелании, причем, нежелании обеих сторон, нежелании вести диалог. Существует конфронтация, своего рода «холодная война», например, между мэрией Москвы и организаторами московского прайда. И никто, ни одна из сторон не пыталась просто элементарно сесть за стол переговоров, обсудить возможные компромиссные варианты. В этом главная проблема. И, к сожалению, никакие судебные решения, в том числе решение Европейского суда по правам человека, не отменяют необходимости такого диалога».

Диалога, однако, не происходит. И это неизбежно приводит к следующей мысли: гей-прайд – не проблема сама по себе, но лишь один из факторов, выявляющих коренную, ключевую проблему современной российской власти. Эта проблема – деформация коммуникативной функции власти. По выражению выдающегося немецкого социолога Никласа Лумана, «власть отличается от других коммуникативных средств тем, что ее код требует от партнеров, то есть от обеих сторон коммуникативного отношения, чтобы те редуцировали комплексность действиями, а не переживаниями».¹⁸ В том, что касается российской власти, по отношению к общественным организациям этого как раз и не происходит. Относительно ЛГБТ-организаций данное утверждение тем более верно: с начала общественной дискуссии о возможности проведения в России гей-прайда чиновники ни разу не выразили даже тени желания обсудить разногласия с организаторами гей-прайдов и других публичных акций ЛГБТ-сообщества.

Как, в свою очередь, отметил, отвечая на вопрос автора данной статьи о возможных путях развития диалога власти и ЛГБТ, Игорь Кочетков, взаимодействие с властью является одной из задач, которые ставят перед собой российские ЛГБТ-активисты. «Ближайшая краткосрочная стратегическая цель в этой области – добиться признания со стороны государства существования проблемы дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, – пояснил Кочетков. – Ведь сегодня, например, даже официальные представители российских властей в международных организациях говорят, что в России нет дискриминационных практик, нет дискриминационного законодательства, нет дискриминационной политики. Но это не так. Мы уже не первый год занимаемся мониторингом дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в России. И мы знаем, что существует системная дискриминация. Наша задача заключается в том, чтобы власти, во-первых, не закрывали глаза на эту проблему и, во-вторых, поняли, что эта проблема – это не только наша проблема. Гомофобия общественно опасна. Она общественно опасна, например, потому что геи, лесбиянки, трансгендеры – это часть общества, это миллионы людей. Они имеют точно такие же права, они также нуждаются в защите государства. Это избиратели, в конце концов».¹⁹

По наблюдению общественника, гомонегативизм с некоторых пор стал часто используемым средством легитимизации для экстремистских организаций. «Если сегодня какие-нибудь организации, объединения открыто заявят о своем антисемитизме, о своих расистских взглядах, то их привлекут к ответственности, и общественное мнение расизм не поддерживает, слава богу. А гомофобию общество воспринимает все еще достаточно спокойно», – считает он. На этой волне подобные организации приобретают сторонников, оказывают определенное влияние на общественное мнение. «Классический пример: была такая организация *РОНС*, *Русский общенациональный союз*, которая в 2006 году устроила погромы гей-клубов в Москве, сорвала фестиваль ЛГБТ-культуры *Радуга без*

границ. Этими акциями организация прославилась. Но не прошло и года, как представители этой организации устроили взрывы на Черкизовском рынке. Опасно поощрять гомофобию. Государство должно бороться с гомофобией. Вот это то, к чему мы призываем власть», – заявил Кочетков.

Какие есть препятствия для диалога с властями? По мнению общественника, сегодня представители власти в большинстве своем искренне считают, что никакой проблемы вообще не существует. ЛГБТ-сообщество в России для власти является «невидимым». Контакты с представителями ЛГБТ-сообщества кажутся чиновникам опасными и для карьеры, и для их популярности в общественном мнении, – хотя, уверен Кочетков, страхи очень сильно преувеличены. «Последний пример – это наши попытки пообщаться с уполномоченным по правам человека в Санкт-Петербурге, который, только вступив в свою должность, заявил, что он уважает права всех людей, в том числе права представителей ЛГБТ-сообщества, на мирные собрания и шествия. Мы приветствовали тогда его высказывание. И решили, что, наверное, есть почва для разговора, для обсуждения. Несколько раз он откладывал эту встречу, хотя ничего опасного, ничего страшного мы ему предлагать не собираемся. Мы хотим всего лишь заключить соглашение о сотрудничестве в области просвещения по правам человека и в области защиты прав человека», – пояснил он.²⁰

К слову, региональные омбудсмены – уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге и в Москве по-разному отреагировали на вопросы общественности о возможности проведения в обеих столицах гей-прайда. Так, петербургский омбудсмен Алексей Козырев, выступая на пресс-конференции в апреле 2009 года, подчеркнул, что все граждане имеют право проводить демонстрации, шествия, митинги. По мнению омбудсмена, это право в равной степени распространяется и на ЛГБТ-сообщество. Также омбудсмен заявил о готовности оказать правовую помощь участникам акции гей-прайда, если акцию не согласуют вопреки закону. Но он также напомнил, что по закону исполнительная власть может корректировать место и время проведения массовых акций. Правда, омбудсмен посчитал необходимым отметить, что пресса ошибочно приписала ему поддержку гей-парада, потому что в его представлении гей-парад – это шоу, а не правозащитная акция; он же говорил только о праве человека на участие в митингах, собраниях, шествиях и пикетированиях. Это, однако, не помешало председателю Санкт-Петербургского гей-прайда Марии Ефременковой одобрительно отозваться о реакции Козырева: «Мы уже неоднократно говорили о том, что проведение правозащитных митинга и шествия является нашим конституционным правом, правом, гарантированным нам Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и мы будем добиваться его исполнения. Для нас очень ценно, что человек, который является гарантом соблюдения прав и свобод поддерживает нас».²¹

Московский уполномоченный по правам человека Александр Музыкантский, отвечая на соответствующий вопрос автора данной статьи, высказался менее определенно. По мнению Музыкантского, «возможно, гей-парад в Москве легализуют, но вряд ли это произойдет в ближайшие несколько лет». Он сообщил о своей беседе с депутатом немецкого Бундестага, который интересовался судьбой акции; по словам Музыкантского, он ответил депутату в том ключе, что если бы тот стал вдруг мэром Москвы, то и он запретил бы прайд. «Москвичи к нему не готовы» – такова, в общем виде, позиция столичного омбудсмана.

Но готовы или нет россияне к тому, чтобы встретить на улицах городов гей-прайды? Это пытался выяснить (в последний раз в 2006 году) Фонд *Общественное мнение*. Согласно данным проведенного опроса, около половины респондентов (47%) относятся к геям и лесбиянкам с осуждением, 77% поддерживают запрет гей-шествий. При этом половина россиян считают, что представителям сексуальных меньшинств следует скрывать от окружающих свою ориентацию. Почти вдвое меньше людей полагают, что скрывать ее не нужно. Еще 19% затруднились с ответом на вопрос. Самый распространенный аргумент сторонников запрета гей-парада – неприятие публичной демонстрации нетрадиционных сексуальных отношений (40%). По словам этой части респондентов, такую сексуальную ориентацию не следует афишировать (18%); многие убеждены, что парад был бы пропагандой гомосексуализма, в том числе среди молодежи и детей (16%), а сам факт его проведения мог вызвать неодобрение в обществе (5%). Другая часть аргументов в пользу запрета на проведение гей-парада основана по большей части на резком неприятии гомосексуализма как явления (такие доводы приводят примерно четверть опрошенных). В частности, 10% респондентов видят в однополых сексуальных отношениях проявление безнравственности, 7% считают гомосексуализм болезнью и столько же просто выражают свое осуждение этого явления. Небольшая часть опрошенных (3%) сочли, что запрет парада отвечал интересам самих представителей сексуальных меньшинств, а некоторые полагают, что российское общество в целом еще не готово к таким мероприятиям (2%). Противники решения о запрете проведения гей-парада в столице посчитали такие действия московских властей нарушением гражданских прав и свобод (4%), другие – лишь 2% – отмечали, что подобные парады никому не мешают.²²

Нигде и никогда в истории публичные акции гомосексуалов не проводились сначала при поддержке не то что абсолютного, но даже и самого относительного большинства. Акционизм ЛГБТ остается спорным вопросом в подавляющем большинстве стран мира. Сегодня в России ситуация с правами сексуальных меньшинств напоминает аналогичную ситуацию в США 1950-х годов: полуподпольные клубы, пуританизм общества, дискриминационная политика. Возможно, России еще предстоит встретить свой Стоунволл?..

Впрочем, как отмечает, в свою очередь, Игорь Кочетков, в последнее время в направлении правозащиты и борьбы с гомонегативизмом в российском обществе намечается некоторый прогресс. «Прошлым летом состоялась наша встреча с уполномоченным по правам человека Российской Федерации Владимиром Петровичем Лукиным. После того, как мы распространили наш доклад о дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, представители государственных органов стали отвечать на наши письма. Уже прогресс, – пояснил он. – Например, нам пришло письмо из МВД, где дискриминация по признаку сексуальной ориентации и преступления на почве ненависти именно к геям и лесбиянкам названы общественно важной проблемой. Уже есть, о чем говорить. Маленькие сдвиги происходят. Но они идут очень сложно. В вопросе совершенно верно говорится о том, что одной из причин является инертность самого ЛГБТ-сообщества», – констатировал правозащитник.

И последний момент, возможно, является ключевым. Преодоление пессимизма и вялости тех, чьи права и должны быть защищены – важнейшая задача, которая стоит сегодня перед ЛГБТ в России. Та деятельность, которую ведет, к примеру, Санкт-Петербургская ЛГБТ-организация *Выход* – семинары, фестивали, просветительские акции – полезна и необходима; во многом она перекликается с деятельностью гомофильных обществ в Америке 1950-1960-х годов, объединяя и организуя людей, помогая кому-то утвердиться в осознании своей идентичности, кому-то – спастись от одиночества и непонимания со стороны даже самого близкого круга: семьи, коллег. Но решать политические вопросы всегда и везде приходится, выходя один на один с оппонентом – если не за столом переговоров, то на улице. Гей-прайд, призванный решать именно такие вопросы – в широком плане, вопрос плюрализации общественного дискурса – не может не быть политичен. Сегодня ЛГБТ-сообщество в России, фактически, стоит перед выбором: «ввязываться» ли в политику или оставаться *ad marginem* политического процесса, переводить ли свое инакомыслие также и в «инакодействие» – или нет. Но если выбор будет сделан в пользу политического участия – без объединения сил, без пренебрежения внутренними и «междоусобными» распрями обойтись не удастся.

Как отмечает антрополог, филолог Лев Клейн (сам, кстати, в 1980-е годы обвиненный по 121-й статье и отсидевший срок в лагере), Россия с древности отличалась в определенной степени равнодушным отношением к так называемому «содомскому греху». Более того, иностранцы удивлялись тому, что в России при Иване Грозном и его предшественниках общество относилось к этому снисходительно, и даже с хвастовством. А ведь в это же время в средневековой Европе содомитов сотнями отправляли на костер, виселицу и плаху. В допетровской же России не было ни одной казни «содомита», да и после Петра судили в крайних случаях. После Февральской революции соответствующую статью отменили, как и все «преступления против нравственности». ²³ Таким образом, преследования

или, во всяком случае, различные формы дискриминации гомосексуалов стоит относить уже к сталинской эпохе и более позднему периоду. В том числе, как это ни неутешительно, к периоду современному.

«Если секс подавлен, то есть обречен на запрещение, на несуществование и на немоту, то сам факт говорения о нем и говорения о его подавлении имеет оттенок смелого преступления. Тот, кто так говорит, ставит себя в какой-то степени вне власти; он попирает закон; он предвосхищает, хотя бы немного, будущую свободу», отмечал Мишель Фуко.²⁴ Одна из главных ошибок гомонегативистски настроенных критиков состоит в том, что гомосексуальность сводится исключительно к сексуальному аспекту; напрочь игнорируются проблемы преодоления дискриминации, диффамации, «язык вражды», юридическая проблематика притязаний гомосексуалов. Не так понимал секс и французский философ, под-разумевая в указанном утверждении под сексом – частное человеческое, недосягаемое – до поры – для проникновения вездесущей микрофизики власти.

Сегодня, жертвуя одним из завоеваний модерна – приватностью – российские представители ЛГБТ стремятся к расширению роли других его важнейших достижений – общественно-политических прав и свобод.

-
- 1 М. Фуко, *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет* (М.: Касталь, 1996), с. 107.
  - 2 П. Рассел, *100 кратких жизнеописаний геев и лесбиянок* (М.: Крон-Пресс, 1996), с. 32
  - 3 А. Джагоз, *Введение в квир-теорию* (М.: Канон, 2008), с. 47.
  - 4 Н. Смелзер, *Социология* (М.: Феникс, 1998), с. 578.
  - 5 R. Johnson, *A Brief History of the Stonewall Riots and the Gay Rights Movement*. [Электронный ресурс]: <http://gaylife.about.com/od/stonewall/a/stonewallhistory.htm>
  - 6 [Электронный ресурс]: <http://gayrussia.ru/right/lgbt/>
  - 7 [Электронный ресурс]: <http://www.lgbtnet.ru/news/detail.php?ID=2405>
  - 8 «Турки подкачали», *Российская газета*, № 5170 (91) от 29 апреля 2010 г.
  - 9 «Женщина должна быть во власти, а не при власти», *Парламентская газета*, № 4(2440) от 14 мая 2010.
  - 10 *Меморандум по жалобам №4916/07, 25924/08 и 1459/09 «Алексеев против России»*.

- 11 Peter Tatchell, «Marching in Moscow», *The Guardian*, 24 мая 2006. [Электронный ресурс]: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2006/may/24/moscowbansgayprideparade>
- 12 «Лужков назвал гей-парад «сатанинским действием» и заявил, что не допустит его проведения в Москве», *РИА Новости*, [Электронный ресурс]: <http://center.rian.ru/society/20070129/81573181.html>
- 13 Peter Tatchell, «Behind the violent scenes», *The Guardian*, 8 июня 2007. [Электронный ресурс]: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2007/jun/08/russiasnewpolicestate>
- 14 «Если гей-парад, то только на Курилах», [Электронный ресурс]: <http://www.regions.ru/news/2078542/>
- 15 [Электронный ресурс]: <http://www.gorodovoy.spb.ru/rus/news/civil/701990.shtml>
- 16 [Электронный ресурс]: <http://www.newsru.com/russia/24apr2007/parad.html>
- 17 «Зачем геи борются за свои права?», [Электронный ресурс]: <http://www.gzt.ru/topnews/society/conference/zachem-gei-boryatsya-za-svoi-prava-bolezn-li-gomos/>
- 18 Н. Луман, *Власть* (М.: Праксис, 2001), с. 37.
- 19 «Зачем геи борются за свои права?», [Электронный ресурс]: <http://www.gzt.ru/topnews/society/conference/zachem-gei-boryatsya-za-svoi-prava-bolezn-li-gomos/>
- 20 Там же.
- 21 [Электронный ресурс]: <http://www.spb-pride.ru/?p=news&id=13>
- 22 [Электронный ресурс]: «Сексуальные меньшинства. Запрет на проведение гей-парада», *ФОМ-Инфо* от 8 июня 2006.
- 23 Лев Клейн, «Гей не гей, но будь мужчиной», *КВИР*, № 9, апрель 2004.
- 24 М. Фуко, *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*, с. 103.